

НОСИТЕЛИ ИСТИННОСТИ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЛИ ПРОПОЗИЦИИ?

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант МД-1685.2010.6), а также в рамках государственного контракта (№ 02.740.11.0362) на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1. Проект «Онтология в современной философии языка».

Рассматривается вопрос о носителях истинности с точки зрения основных подходов к истине (инфляционизм и дефляционизм). Демонстрируется амбивалентность ответов на этот вопрос для сторонников обоих подходов, а также необходимость признания определенных метафизических импликаций в случае принятия пропозиций в качестве базовых носителей истинности, как это делается в самых репрезентативных разновидностях дефляционизма.

Ключевые слова: дефляционизм; носители истинности; предложение; пропозиция.

Классическая постановка проблемы истины в определенной степени направлена на раскрытие глубинной (зачастую метафизической) природы и сущности этой важнейшей категории. Онтологическая трактовка истины в современной философии актуализируется – в первую очередь, благодаря работам Э. Гуссерля и М. Хайдеггера – в феноменологии, экзистенциализме и прочих концепциях, зачастую стремящихся отождествить бытие и истину. Другим (своего рода «трансцендентальным») обоснованием истины выступает ее эпистемическая трактовка (Аристотель, Фома Аквинский и др.), которая связывает адекватность знания с его соответствием реальности, фиксируясь на вопросах взаимоотношения бытия и познания. По сути, происходит переход понятия истины из сферы оснований бытия в область обоснования знания. Однако для обеих этих трактовок характерно приписывание истине абсолютного ценностно-нормативного статуса, определяемого самой реальностью. Поэтому достаточно правомерно – как это делается в современной (преимущественно англоязычной) академической философии – называть такой общий подход к истине инфляционным (лат. *inflatio* – вздутие). «Инфляция» *in toto* влечет за собой установку на то, чтобы дать эксплицитное определение истины и субстанциально ее обосновать.

Возникающий сравнительно недавно и получающий все большее распространение противоположный подход, именуемый дефляционным (лат. *deflatio* – сдувание), нацелен на то, чтобы показать, что понятие истины в некотором существенном смысле оказывается избыточным. В общем случае этот подход, для которого можно использовать термин «алетический» (гр. ἀλήθεια – истина) дефляционизм», – представляет собой совокупность логико-философских теорий, ограничивающих сферу возможных спекуляций относительно понятия истины и предполагающих его частичную (в крайних версиях дефляционизма – полную), но богатую последствиями элиминацию из достаточно обширной области философского дискурса. В отличие от инфляционного подхода, сторонники алетического дефляционизма считают, что понятию истины может быть дано только имплицитное определение, показывающее функцию этого понятия в языке, но сама по себе истина не имеет какой-либо глубинной природы, которая настоятельно требовала бы философского объяснения.

Обычно признается очевидным, что дефляционный подход к истине¹ характеризуется ярко выраженной антиметафизической направленностью, что сближает его с той частью современной философии, которая все чаще и настойчивее выражает скепсис относительно необходимости явного определения и исчерпывающего обоснования таких фундаментальных категорий, как «добро», «справедливость» и пр. Следствием подобного скепсиса становится их демистификация, а также демонстрация псевдопроблемного характера ряда традиционных философских вопросов, как-то: «что есть истина?», «что есть добро?» и т.п. Однако здесь на примере широко обсуждаемой проблемы «носителей истинности (truth bearers)» демонстрируется, что такие разновидности алетического дефляционизма, как теория избыточности и минимализм, вряд ли начисто лишены каких-либо метафизических импликаций, что в определенном отношении сближает их с известными инфляционными представлениями об истине (прежде всего, с теорией соответствия).

Особое значение имеет сама процедура формулировки философских вопросов, ибо то, как будет поставлена та или иная проблема, во многом определяет спектр ее возможных решений. Какая надлежащая формулировка должна быть дана проблеме истины? Классический вопрос «что есть истина?» имеет определенные трудности для философского анализа. На это, в частности, указывает П. Вейнгартнер, который считает, что этот вопрос (как и вопрос «что представляет собой ‘истинное высказывание’?») может вводить в заблуждение (см.: [1. С. 15–20]). Вейнгартнер предлагает вместо вопроса «что есть истина?» ставить более конкретные вопросы, такие как: «что представляет собой определение ‘истинного предложения’?» или «что имеется в виду, когда говорят, что высказывание истинно?». Приходится признать некоторую проблематичность классической постановки вопроса об истине (ср.: [2, 3]). Во-первых, этот вопрос является слишком общим и расплывчатым (неконкретным). Во-вторых, он способен определенным образом вводить в заблуждение, поскольку неявно предполагает существование истины в виде абстрактного объекта или идеи, тем самым принуждая искать решение в духе платонизма. Однако известно, что природа и онтологический статус универсалий («доброта», «желтизна» и др.) вот уже более двух тысяч лет продолжают оставаться предметом ост-

рых дискуссий, поэтому такая (квази)платонистская формулировка проблемы истины может еще больше осложнить ее решение. Одним из возможных способов формулировки проблемы истины в десубстантивированном виде становится, например, вопрос: «Что подразумевается, когда утверждается, что некоторое высказывание (предложение, суждение и т.д.) является истинным?». В этом случае под истиной имеется в виду некоторое свойство (или предикат), которое может быть приписано нашим убеждениям. Такая переформулировка проблемы истины *inter alia* приводит еще к одному существенному вопросу – вопросу о носителе истинности. Чему именно может быть приписано свойство «быть истинным»: предложениям или пропозициям?²

Вопрос о носителе истинности важен в том случае, если он позволяет приблизить нас к пониманию того, может ли быть дано понятию истины какое-либо философское обоснование или *эксплицитное* определение, которое отсылало бы к самой реальности. В случае инфляционного подхода наиболее последовательным решением этого вопроса становится признание существования *носителей истинности* особого рода – пропозиций (или фактов), которым изначально и приписывается свойство истинности. Необходимость такого признания обусловлена отождествлением истины и бытия: истинным прежде всего является то, что существует; и наоборот (см.: [7. С. 19–29]). Но в таком случае встает проблема металингвистической спецификации такого рода сущностей, как пропозиции (или факты). Всякий раз, когда требуется фиксация *мысли* (пропозиции или факта), необходимо прибегнуть к языку. Но тогда истина становится имманентной языку, а первичным носителем истинности должно приниматься именно *предложение*. Амбивалентность в признании базового носителя истинности характерна как для инфляционного, так и для дефляционного подхода. Обратимся к примерам.

Наиболее яркое выражение неоднозначности разговора о носителях истинности обнаруживается у тех мыслителей, которые хотя и признаются родоначальниками алетического дефляционизма, тем не менее порой склоняются к тому, чтобы занять ярко выраженную инфляционную (реалистскую) позицию. Так, например, в приписываемой Ф. Рамсею теории избыточности (см.: [7. С. 46–49]) первичным носителем истинности является *пропозиция*. Он пишет: «Истина и ложь первично приписываются пропозициям» [8. С. 104]. Пропозиция, наряду с фактом, понимается им как «объективный фактор» (objective factor). Природу этого фактора Рамсей, к сожалению, не раскрывает, но противопоставляет его ментальному фактору (mental factor), к которому могут быть отнесены слова или образы в сознании. Предикат истины, согласно Рамсею, изначально применим именно к пропозициям, являющимся своего рода внелингвистическими абстрактными сущностями, которые не могут означать что-то другое, чем то, что они означают, ибо они вообще не имеют значений в лингвистическом смысле (ср.: [3. Р. 318]). Пропозиции сами являются значениями для предложений, которые их выражают.

Аналогией для такого объективного фактора, как пропозиция (или факт), вполне может выступить *мысль*

(*Gedanke*) Фреге (см. ниже), т.е. некоторое объективное содержание мышления. Несмотря на то, что Рамсей не проводит подобной аналогии, он ясно дает понять, что первичными носителями истинности должны выступать именно пропозиции (объективные факторы), а не составленные из слов предложения или суждения (ментальные факторы). Решение же проблемы истины он видит в анализе суждений, который позволил бы судить об их истинности: «<...> если мы анализируем суждение, то решаем проблему истины, ибо если рассматривать ментальный фактор (который часто и называют суждением), его истинность или ложность зависит только от того, что представляет собой выраженная в суждении пропозиция, а то, что мы должны объяснить, – это смысл выражения, что суждение есть суждение о том, что *a* находится в отношении *R* к *b*, т.е. является истинным, *aRb*, и ложным в противном случае» [8. С. 105]. Как видно из этого пассажа, Рамсей говорит уже об истинных и ложных *суждениях*, которые, как и предложения, являются в его представлении ментальными факторами. Так чему все-таки следует приписывать свойство истинности – пропозициям (фактам) или суждениям (предложениям)? Даже если признать, что это свойство может быть приписано и тем и другим, тем не менее, остается непроясненным вопрос о том, *что* делает пропозиции (или предложения) истинными. Необходимо либо хоть как-то (возможно, субстанциально) их обосновать, либо остановиться на том, что они сами по себе не являются истинными или ложными, а являются очевидной данностью, которая делает при адекватном анализе истинными именно суждения (предложения) как первичные носители истинности.

Кроме того, анализ таких выражений, как «факт, что *p*», вполне совместим с концепцией избыточности истины. Поскольку сказать «*p* является фактом», или «факт, что *p*» не означает чего-то большего, чем утверждать истинность того, что *p*. А это равносильно тому, чтобы утверждать пропозицию, что *p*. Это обстоятельство показывает, что теория соответствия, которая вынуждена отождествить истинную пропозицию с фактом, в определенной степени совместима с теорией избыточности. Рамсей указывает на то, что проблема истины неотделима от проблемы анализа утверждения или содержания убеждения и, по сути, говорит лишь о том, что проблема истины превращается в проблему условий истинности убеждений.

Как видно, Рамсей, несмотря на его собственные заявления, не занимает четко выраженной позиции относительно вопроса о первичных носителях истинности, а останавливается на определении условий истинности некоторого суждения, выражающего пропозицию, в качестве фиксации отношения между составляющими его элементами. Способность установить такого рода отношение напрямую зависит от знания того, что эти элементы означают. Последнее должно, по мысли Рамсея, составить смысл суждения как условия его истинности. То же самое, как показывает А. Айер, применимо и к предложениям (см.: [9. С. 125–146]).

Понимание анализа предложения как выявления условий его истинности, как известно, восходит к Фреге: «Когда мы называем предложение истинным, мы имеем

в виду, собственно, его смысл. Отсюда следует, что та область, в которой применимо понятие истины, – это смысл предложения» [10. С. 53]. Так может ли смысл предложения (пропозиция) *быть истинным*? Согласно Фреге, нет. На это, в частности, указывает В.А. Ладов: «<...> для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он <...> принимается во внимание как нейтральная данность» [11. С. 584]. Именно потому, что *смысл предложения* является нейтральной данностью, *мысль* (или *пропозиция*) не может, с точки зрения Фреге, признаваться истинной или ложной, поскольку она сама по себе служит тем, *чему* соответствует предложение. Следовательно, первичным носителем истинности в логической семантике Фреге должно признаваться именно предложение, которое получает свое онтологическое оправдание через отсылку к такому несколько сомнительному референту (предметно-истинностному значению), как истина или ложь (ср.: [12–14]). Тем самым не удастся продвинуться дальше, чем принять на веру следующее: если я говорю «Снег бел», а англичанин «Snow is white», то должно быть *что-то*, что делает эти высказывания синонимичными друг другу. Для Фреге этим «что-то» выступает *мысль*, получающая статус объективной (внесубъективной) данности. Но каким образом, чтобы считаться *истинной*, эта мысль должна быть выражена? Повидимому, не иначе как через язык.

Семантическая теория Фреге, который стремится перейти от разговора о языке к разговору о мире, оказывается нежизнеспособной в попытке дать ответ на вопрос о том, в чем состоит онтологическое оправдание истинности наших суждений о мире и самих себе. По крайней мере, такое оправдание может быть дано лишь постольку, поскольку язык признается единственно очевидной данностью. В этом случае именно предложениям наиболее оправданно приписывать *истинность*, которая состоит не иначе как в *отнесенности предложения к выражаемой им мысли*. Такая отнесенность явным образом фиксируется в дефляционистском тезисе эквивалентности истинного предложения тому, что оно собой выражает (см.: [7. С. 30–41]).

Наиболее точную формулировку тезис эквивалентности получает в семантической концепции А. Тарского, который, реализуя логический анализ предиката истины, считал «наиболее удобным *применять термин “истинно” к предложениям*» [15. С. 92]. Основанием для такого предпочтения у Тарского служит то, что значение термина «proposition» (пропозиция) в силу многочисленных споров философов и логиков никогда не будет достаточно ясным и определенным. Еще большее сомнение в целесообразности введения таких самостоятельных абстрактных сущностей, как пропозиции (в качестве значений предложения), выражает У. Куайн: «Как истинные или ложные лучше рассматривать не пропозиции, но случаи употребления предложений <...> Стремление к внелингвистическим носителям истины приводит из-за недооценки того, что предикат истины как раз и имеет целью примирение упоминания лингвистических форм с интересом к объективному миру» [16. С. 31].

То, в каком смысле говорит о предложениях Тарский, исключает большое множество контекстно-

зависимых высказываний, т.е. таких, истинное значение которых определяется исходя из контекста: например, такое предложение, как «Я голоден». Следует помнить, что семантическая концепция истины разрабатывалась Тарским исключительно для формализованных языков, которые не содержат никаких интенциональных выражений (т.е. тех, которые зависят от контекста: указательные местоимения, временные характеристики и др.). Это обстоятельство привело к тому, что в наиболее известной на сегодняшний день минимальной (дефляционной) теории П. Хорвича первичными носителями истинности в схеме эквивалентности считаются именно пропозиции. Выбор в качестве носителей истинности таких нелингвистических абстрактных сущностей, как пропозиции, не случаен и связан с попыткой распространить семантическое определение истины не только на формализованные, но и на естественные языки.

Минимализм представляет собой теорию, которая формулируется посредством бесконечной конъюнкции следующего вида: «Пропозиция, *что кварки действительно существуют*, истинна тогда и только тогда, когда кварки действительно существуют, пропозиция, *что лгать плохо*, истинна тогда и только тогда, когда лгать плохо... и т.п.» [17. С. 5]. В более кратком выражении минимальная теория предстает в виде следующей схемы:

(МТ) $\langle p \rangle$ истинно, тогда и только тогда, когда p ,

где $\langle p \rangle$ обозначает «пропозиция, *что p* ». Под пропозициями Хорвич понимает «вещи, в которые верят, которые утверждают, которые предполагают и т.д.; содержания таких состояний (например, *что Оскар был голоден в полдень первого января 1988 года*)» [17. С. 16]. То есть пропозиция в данном случае понимается как содержание некоторого утверждения. Такое понимание пропозиции во многом близко тому, как ее определяет Б. Рассел: «Пропозиция может быть определена следующим образом: то, в чем мы убеждены, когда наше убеждение истинно или ложно» [18. С. 110]. Если учесть, что имя Рассела обычно ассоциируется с теорией соответствия (разновидностью инфляционного подхода), то минимальная (дефляционная) теория Хорвича, как оказывается, в определенном отношении ей близка. В отличие от Тарского и Куайна, Хорвич выбирает в качестве первичных носителей истинности не предложения, а пропозиции (определяемые как содержания предложений – то, *что* утверждается). Однако насколько оправданным было бы связывать предикат истины (роль которого, с позиций дефляционного подхода, ограничена языком) с такими абстрактными внелингвистическими сущностями, как пропозиции? Не придает ли это обстоятельство минимализму Хорвича явно инфляционную (субстанциальную) «окраску»? В случае положительного ответа приходится признать, что это не вполне согласуется с изначальной его целью: «предоставить наиболее дефляционный подход к нашему понятию истины» [17. С. 6].

Так что же является первичным носителем истинности – предложение или пропозиция? Следует признать, что ответ на этот вопрос во многом зависит от

того, как определяется пропозиция. Если о ней говорится как об объективном содержании того, *что* утверждается – мысль или факт, то возникает проблема их фиксации, которая, казалось бы, решается с позиций дефляционного подхода через обращение к языку: предикат истины исчерпывается конкретными случаями схемы эквивалентности. Однако из этой схемы следует имманентность истины языку, и тогда более уже неправомерно, как это делает Рамсей и Хорвич, принимать пропозицию за первичный носитель истинности. По-видимому, приходится согласиться со следующим: «Критике доступно только объективное знание: субъективное знание становится доступным критике, только когда становится объективным. А объективным оно становится тогда, когда мы *говорим* то, что мы думаем, и еще более – когда мы *записываем* это или *печатаем*» [19. С. 34]. Нечто похожее утверждает и Н. Гудмен: «Истина <...> относится исключительно к тому, что говорится, а буквальная истина – исключительно к тому, что сказано буквально» [20. С. 135].

Таким образом, наиболее репрезентативные разновидности алетического дефляционизма (теория избыточности и минимализм), по сути, близки инфляционным концепциям в плане ответа на вопрос о том, чему мы могли бы изначально приписать свойство истинности – предложениям или пропозициям? Дефляционный подход поднимает проблему носителя истинности, решение которой безуспешно пытались дать инфляционные теории и на которую сам не способен предоставить до конца оправданного ответа. Выясняется, что пропозиция в качестве носителя истинности имеет двоякую интерпретацию. С одной стороны, пропозиция суть содержание некоторого высказывания (предложения, утверждения и пр.). С другой же стороны, пропозиция (мысль или факт) есть не что иное, как объективная (внелингвистическая) данность. В обоих случаях возникает вопрос, ответ на который явным образом не дают ни инфляционизм ни дефляционизм: может ли *пропозиция* быть фиксирована (выражена) безотносительно к языку?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В литературе данный подход зачастую именуется дефляционной теорией, однако вряд ли фундирующая его установка на исключение истины из значительной части познавательного контекста может привести к построению полноценной (речь идет, конечно же, об эпистемологической, а не логической) теории, поэтому в последующем будем придерживаться следующих способов употребления: «дефляционный подход к истине», «дефляционизм относительно истины» и «алетический дефляционизм». В конце концов, следует признать, что это вопрос используемой терминологии.

² Вопрос о роли понятия «носитель истинности» в теории истины рассматривается, например, в [4. С. 23–32]. Что же касается термина «пропозиция», то на сегодняшний день приходится констатировать неоднозначность в его понимании, а порой даже сомнения в необходимости его использования. См., в частности: [5. С. 15–34; 6]. Однако данные вопросы выходят за рамки настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / пер. с англ. В.А. Бажанова и др. М. : Российская политическая энциклопедия, 2005. 352 с.
2. Шрамко Я.В. Что такое аналитическая философия? // Эпистемология и философия науки. 2007. № 1. С. 87–110.
3. Kirkham R. Theories of Truth. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1992. 415 p.
4. Rojczak A. From the Act of Judging to the Sentence: The Problem of Truth Bearers from Bolzano to Tarski / ed. by J. Wolenski. Dordrecht : Springer, 2005. 240 p.
5. Engel P. The Norm of Truth. Toronto : University of Toronto Press, 1991. 380 p.
6. Вострикова Е.В. Почему нам не нужны пропозиции? // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 24, № 2. С. 75–94.
7. Тарабанов Н.А. Дефляционный подход к истине. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2010. 124 с.
8. Рамсей Ф.П. Философские работы / пер. с англ. В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 216 с.
9. Айер А. Язык, истина и логика / пер. с англ. В.А. Суровцева, Н.А. Тарабанова. М. : «Канон⁺» ; РООИ «Реабилитация», 2010. 240 с.
10. Фреге Г. Избранные работы / пер. с нем. А.Л. Никифорова и др. М. : Дом интеллектуальной книги ; Русское феноменологическое общество, 1997. 160 с.
11. Аналитическая философия : учеб. пособие / под ред. М.В. Лебедева, А.З. Черняка. М. : Изд-во РУДН, 2006. 622 с.
12. Куслий П.С. Является ли истина денотатом предложения? // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 23, № 1. С. 68–82.
13. Горбатов В.В. Из чего «сделаны» истинностные значения? // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25, № 3. С. 82–94.
14. Шрамко Я. Истина и ложь: что такое истинностные значения и для чего они нужны // Логос. 2009. № 2 (70). С. 96–121.
15. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики / пер. с англ. А.Л. Никифорова // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М. : Дом интеллектуальной книги ; Прогресс-Традиция, 1998. С. 90–129.
16. Куайн У. Философия логики / пер. с англ. В.А. Суровцева. М. : «Канон⁺» ; РООИ «Реабилитация», 2008. 192 с.
17. Horwich P. Truth. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 1998. 157 p.
18. Рассел Б. Философия логического атомизма / пер. с англ. В.А. Суровцева. Томск : Водолей, 1999. 191 с.
19. Рассел Б. Исследование значения и истины / пер. с англ. Е.Е. Ледникова, А.Л. Никифорова. М. : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 1999. 400 с.
20. Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. М.В. Лебедева и др. М. : Идея-Пресс ; Логос, Праксис, 2001. 376 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 7 декабря 2011 г.